

Дука
РОМ

ИЗМЕНА В 50

*От невинности
до порока*

Рика Ром

Измена в 50. От печали до радости

<https://litres.ru/74132589>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Под ногами невесомость. А вокруг пустота» — шепчет моё сердце, когда жизнь рушится в одно мгновение. В мой пятьдесят первый день я узнаю, что муж, которому я посвятила четверть века, предал меня. Но в этой ледяной пустоте рождается сила, о которой я не подозревала. Я учусь летать на осколках своего разбитого счастья. Моя история — это танец с болью, превращение пепла в крылья феникса. И пусть все видят: там, где другие падают, я учусь подниматься...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Измена в 50. От печали до радости

ГЛАВА 1

Кое–как добираюсь на шестой этаж без лифта. Ставлю пакеты на площадку, достаю ключи из кармана. Но едва ключ попадает в замочную скважину, понимаю, не заперто.

И чего это Ваня устроил день открытых дверей? Соседи у нас хорошие, но мало ли. Нынче полно дураков кругом.

Я вынимаю ключ, беру пакеты, захожу в прихожую и вижу аккуратно составленные женские сапожки. Размер так тридцать семь, тридцать восемь.

Хм? Ариша что ли раньше времени приезжает?

Вроде не видела у нее таких вульгарных обновок.

Опять опускаю пакеты. Банка с солеными огурчиками о консервированный горошек ударяется. Хочу сделать оливье, дочка его обожает. Да и Ваня тоже.

Быстренько поправляю «маечку», раздеваюсь и иду по широкому коридору в спальню. Не знаю, почему туда несет. Интуиция что ли.

– Вань? – зову мужа громко. – Ваня?

Естественно, никто не откликается. В разгаре рабочий

день, а у него сегодня еще и встреча важная. Всю неделю готовился усердно.

– Здрасьте!

Из ванной выплывает совсем молоденькая девочка. Ровесница нашей дочери. Лет двадцать с хвостиком. Может и чуть старше. Кудрявые волосы даже после душа не распружинились. Так и закручиваются.

– Кто вы? – еще раз осматриваю ее с ног до головы.

Стройненькая, с нужными округлостями в бедрах и попе. Прямо статуэточка.

– Лиля.

– Лиля? – переспрашиваю и слышу гул в ушах. Кровь бьет по барабанным перепонкам, зажмуриться ненадолго вынуждает.

– Ага. А вы кто? Ванечка не сказал, что у него сестра есть. Вы же она и есть, да?

Огромные карие глаза ждут ответа. А сама девочка моим пушистым банным полотенцем волосы растирает, выжимает у кончиков.

– Я его жена. Галина.

– Ж–жена?..упс...

Она тут же срывается и мчится в спальню. В нашу супружескую обитель. Я за ней. Ноги сами несут.

И едва переступаю порог, так душно становится...

Тяну ворот шелковой блузки, даже пуговица отрывается. Катится по ламинату под кровать, на которой звездочкой

лежит мой голый муж. Достоинство еще топорщится, «носик» ввысь торчит. Видать только-только получил наслаждение. Не остыл толком.

Девчонка быстренько натягивает супероткровенное белье. Как в том стишке: рельса–рельса, шпала–шпала и больше ничего. Одно название, что трусики и лифчик.

– Ваня... – не в силах заорать. Или бросить в него чем-нибудь.

– Да он дрыхнет. Выдохся. Я его укатала. Ой...

Пигалица кудрявая прикусывает язык и прыгает на месте, напяливая копронки. Так скачет, что случайно наше семейное фото с тумбочки сбивает. Падает красивая рамочка на пол и стекло разбивается. Символично...

Ваня подрывается и сначала писюн прикрывает, а потом уже глаза трет кулаками. Русые волосёнки связь с космосом ищут, крепкая, все еще рельефная грудь высоко поднимается при вдохе.

– Галчонок? – щурится в мою сторону. Я показываю на фигурку у окна. – А ты кто?

– Ванюш, ты чего?! Я Лиля. Мы с тобой в ресторане «Де Базаль» познакомились еще месяц назад. – Хлопает объемными ресничками, а я ни жива, ни мертва. Радует исключительное греховное спокойствие.

Стою и просто наблюдаю за ними.

Ни слезы не просятся.

Ни сердце не щемит.

Словно все чувства разом в небытие канули.

Под ногами невесомость.

А вокруг пустота.

– Какого хрена?!?!

Ваня придерживает простынь и сигает с кровати. Умело обматывает талию белоснежной тканью, а край на плечо закидывает. Гладиатор чертов. По комплекции как раз, а вот по состоянию души... пёс паскудный!

– Ну как же? – Лиля эта уже в платье. Оно ей только–только задницу прикрывает. – На прошлой неделе шпилились в отеле на Боровицкой. В этот понедельник в «Монархе». Забыл, что ли? Может таблеточки попить? Говорят, в пятьдесят мозги частенько шалят.

– Я тебе шас покажу, мозги шалят! Иди сюда!

Ловкость рук и никакого мошенничества. Хватает любовницу за шкуру и в дверь выталкивает. Она вылетает со свистом, аж подол задирается.

Я не двигаюсь. Как впала в ступор при виде Вани в неглиже, так и стою. Гляжу на смятую постель. На два пустых фантика от презервативов и думаю, вот как оно ножом по сердцу.

Оказывается, безболезненно.

И бескровно.

Только кожу, будто китайские иголки пронзают. Снова и снова. Но это такая ерунда глупая.

Еще час назад я собиралась оливье строгать, а сейчас сама

в салат превращаюсь.

– Кто тебя прислал? Отвечай, сука?!

Орет муж, где-то далеко. В самом же деле близко. В нескольких метрах.

– Я тебя люблю, пусь.

Ноеет слезливо Лилечка.

– Хрена с два! На кого работаешь? На Васина? На гниду эту шиздецкую?

Похоже, трясет ее что есть мочи, раз она визжит поросенком и скулит одно и то же: люблю, жить без тебя не могу.

– Я все равно узнаю! Пошла вон!

Дверь на весь подъезд грохает. А сразу следом затишье.

Как перед грозой в мае.

Еще кое-где снег лежит, а природа уже беснуется. Весну кличет.

У нас также.

В душе крупинки былой любви льдом покрываются, а над головой гром гремит, молнии сверкают.

Рванет скоро не по-детски.

– Галчонок, – является громовержец, плечи мои сжимает, – долбодятельство это всё. Слышишь? Не спал я с ней. Я даже не помню, как домой добрался, как на этаж поднялся пешком.

– Знаешь, как в суде говорят? Незнание не освобождает от ответственности.

Моноotonно и ровно отвечаю я. Смотрю сквозь него. Ис-

ключаю взгляда в кобелиные голубые глаза с зеленой прослойкой.

– Да не было ни черта! Я с тобой двадцать семь лет бок о бок живу. И люблю ничуть не меньше, чем раньше. Чувствуешь же. А?

Только я ничего не чувствую. Как вошла в квартиру, потеряла чувствительность. Хоть эксперименты ставь. Опыты научные.

– Я хочу чай.

Моргаю безлико.

Лицо мужа с оформленной седоватой бородкой и щетиной по щекам расплывается в серой дымке. Делаю шаг назад. Руки Вани с плеч моих спадают. Ровняет их по-армейски.

– Давай я тебе заварю. Твой любимый молочный улун. М?

– Нет, Вань. – Улыбаюсь неестественно весело. – Ты собери самые необходимые вещи и поезжай в нашу однушку, ладно?

– Выселяешь меня? Не разобравшись?

Я не вижу, но знаю, взгляд его колючим становится. Холодным. Не привык, что я с ним резка и непоколебима.

– Просто поживи один, пока я не пойму, что делать с нами. Надо же как-то Арише рассказать, подготовить ее и нас к разводу, плюс пакеты с продуктами в коридоре киснут...

Бубню себе под нос, уходя. Плетусь, покачиваясь в кухню. По пути покупки подбираю.

– Я не виноват, Галь. Но знаю, кто замешан. Васин зуб

на меня со студенческих времен точит. Я же быстро вверх пошел, а он все по бабам скакал, развлекался. Теперь моя компания в топ–50 входит, а его объедки собирает.

– Молоко на полку в дверце...

Варюсь в собственных мыслях. Медленно от стола к холодильнику перемещаюсь.

– Галь?

– Сырнички завтра утром пожарю... Аришу угощу...

Открываю морозилку и кладу упаковку сырников на подложку с курицей.

– Галюнь?

Я не реагирую. Опустошаю пакеты один за другим. Ваня машет на меня рукой и уходит. Одеваться, наверное.

Дверь снова хлопает, спустя десять минут.

Оставшись одна, заканчиваю с наполнением холодильника и машинально иду обратно в спальню.

Какие ужасные обои.

И люстра из моды вышла.

Кровать древняя. Вон, ножки вкривь.

А тюль... тряпка в мелкий рубчик.

Такую моя бабка еще вешала на даче.

Глубокий вдох и начинаю все сметать. Стянув пододеяльник, накидываю его на люстру. Наволочки комкаю и к комоду бросаю. В последнюю очередь за раздражающую тюль берусь. Дергаю и вместе с гардиной срываю. Палка падает в миллиметре от моих пальцев.

Я опускаю голову. Семейный снимок испещрен осколками.

Вмиг оседаю.

Осторожно поднимаю память о счастливом прошлом и целую наши лица.

Если бы не звонок доченьки, так и сидела бы крючком.

– Да, родная?

Голос энергичнее маскирую.

– Мамусь, я буду через часок. Ничего? Извини, что не позвонила. Просто так удачно удалось билеты поменять.

– Конечно–конечно, жду.

– Целую тебя.

– А я тебя в сто раз больше.

Ариша отключается, а я спешу встать и навести порядок...

ГЛАВА 2

Ариша вчера приезжает почти в десять, а не как обещала через часок. Успеваем с ней только чайку попить и парой фразочек переброситься. Оно и к лучшему.

А сегодня утром, она встает ни свет ни заря, решает помочь мне с завтраком.

– Мамусь, как у тебя дела? Как студия твоя?

– Ой, Риш, наверное, закрыть придется её.

Мастерски орудую лопаткой. Переворачиваю сырники на сковороде. Арина клюет хлеб с отрубями по крошке.

– Чегооо? Ты же пошутила, да?

– Совсем нет.

Мельком поворачиваюсь к ней, улыбаюсь. Она как обычно подгибает под себя ногу, а второй болтает в воздухе.

– Но ты же эту студию с нуля построила. Дети тебя обожают. И родители тоже. Ты же талантище! Знаменитое училище окончила.

– Времена сейчас сложные. Трудно бизнес вести. Всюду стервятники, да волки.

– А ты папе скажи, он тебе и с деньгами поможет и вообще. – Ариша кусочек побольше отламывает и макает в клубничное варенье. – Кстати, где он? Поздно пришел вчера и сегодня рано ушел?

– Вроде того.

Дергаю плечом, первую партию творожных кругляшей снимаю.

– Мамусь?

– А?

– Ты ж не умеешь врать. Говори, что стряслось? Папа опять на охоту собрался с дружками своими? Так это ж круто! Мы с тобой в торговый центр сгоняем, шмот купим новый. А потом к тебе в студию, научишь меня рисовать этот ...как его...нат...нар...

– Натюрморт.

– Его, да.

Я беру тарелку с горячими сырниками и ставлю в центре стола. По кругу пиалы с «соусами» расставляю. Сгущенка, варенье, сметана, лимонный джем.

– Обязательно так и сделаем. Обновки, рисунки.

Качаю головой, а у самой за грудиной все трясется.

Не выдерживаю, сажусь на мягкий табурет с белыми ножками.

– Тебе плохо, мамусь?

Ариша ни на шутку пугается. Торопится окно приоткрыть и воды мне в стакан налить.

– Спасибо.

Дрожащей рукой стакан сжимаю, отпиваю пару глотков и опускаю на стол.

– Рассказывай.

Придвигается ближе. Приникает головкой к моему плечу. Смотрит в глаза как кот из Шрека.

– Мы с твоим папой разводиться будем.

Тишина.

Даже с улицы машин не слышно и птичий гомон.

– Я не хочу вдаваться в подробности, но...

– Ма, – Арина крепко обнимает меня, – говори уже, я взрослая. Живу отдельно, зарабатываю сама. Хватит меня оберегать от всего.

– Ты для меня всегда маленькой принцессой будешь. – Глажу ее щеку.

– Изменил, да? Ударил бес в ребро в полтос?

Я киваю. Больше пояснений и не надо.

Арина краснеет. Удивительно изменчивые отцовские глаза злостью наливаются.

– Я убью его. Как он мог?!!!

Удерживаю дочку за руку. Она опять ко мне прилипает.

– Тише, он твой отец. Он любит тебя.

– Я тоже его люблю, но это уже перебор. Ты такая классная. Такая современная, во всем разбираешься, советы крутые даешь. Тебя нельзя разлюбить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.